

В глазах родителей Тань Сянси их наивная дочь, разумеется, была идеальна во всех отношениях, а любые её опрометчивые поступки — лишь следствие чужих ошибок. Если бы Цзян Сюэхэ не отвергла её признание напрямую, возможно, та не пошла бы в бар топить горе в алкоголе, и никакой аварии не случилось бы.

Когда родители Тань продолжали настаивать на теме безответной любви, ответ госпожи Цзян прозвучал как удар колокола:

— Вокруг столько достойных мужчин, почему наша Сюэхэ должна заглядываться на женщину?

Госпожа Цзян отрезала ледяным тоном:

— Даже если бы моя дочь решила связаться с нищенкой, она всё равно не стала бы лесбиянкой!

В её голосе сквозило неприкрытое презрение. Янь Гуйцю замерла, её рука, занесённая для стука в дверь, так и зависла в воздухе. В палате воцарилась гробовая тишина, а затем раздался голос Цзян Сюэхэ. Судя по всему, она стояла у самого выхода и даже не прошла внутрь, но её слова были отчётливо слышны через дверь:

— Я и есть такая.

Снова тишина. Голос госпожи Цзян дрогнул от растерянности:

— Что ты такое говоришь? Мы обсуждаем серьёзные вещи, шутки оставишь на потом.

Цзян Сюэхэ повторила предельно чётко:

— Мне нравятся женщины.

Госпожа Цзян невольно повысила голос:

— Сюэхэ! Такие шутки до добра не доведут!

— Я не шучу, — ответила Цзян Сюэхэ.

Госпожа Цзян не хотела верить:

— Как это возможно?! Почему ты раньше никогда мне об этом не говорила?

— Раньше я сама не знала, — ответила Цзян Сюэхэ.

Она сделала паузу. Даже находясь по ту сторону двери, Янь Гуйцю услышала, как Цзян Сюэхэ тихо усмехнулась:

— Но теперь знаю.

Раньше не знала, а теперь знает. Почему? Разумеется, потому что появилась женщина, которая ей нравится.

Лицо госпожи Цзян помрачнело, словно на него набежала тяжёлая грозовая туча. Она посмотрела на дочь, пытаясь найти в её взгляде хоть намёк на шутку, но тщетно. Родители Тань Сянси, сидевшие у койки, тоже замерли и невольно перевели взгляд на дочь. Их мысли были куда проще: кто из их окружения мог так сильно нравиться Цзян Сюэхэ, чтобы она ответила взаимностью? Однако на их лицах не было радости — лишь нахмуренные брови.

— Даже если ты сейчас передумашь, мы не отдадим тебе Сяньси! — заявила мать Тань. — Ты уже довела её до такого состояния, и как бы ты ни притворялась...

— Мне нравится не Тань Сянси, — перебила её Цзян Сюэхэ.

Родители Тань опешили, словно не понимая смысла сказанного.

— Мы с мисс Тань виделись нечасто, — холодно произнесла Цзян Сюэхэ. — До возвращения в страну я видела её в последний раз семь лет назад, когда она была ещё несовершеннолетней. А после возвращения мы встречались всего дважды.

Когда встреч можно пересчитать по пальцам, о какой глубокой привязанности может идти речь? Цзян Сюэхэ помолчала и добавила:

— Не знаю, что именно мисс Тань во мне нашла, но чувства — это не детская игра. Нельзя построить счастье для двоих, опираясь лишь на односторонние надежды.

Мать Тань, казалось, пропустила мимо ушей суть сказанного и ухватилась за то, что волновало её больше всего:

— Значит, тебе нравится другая женщина?

— Да, — ответила Цзян Сюэхэ.

Лица родителей Тань вытянулись. Разве слова Цзян Сюэхэ не означали, что она предпочтёт любую, даже самую безвестную незнакомку, лишь бы не обратить внимания на девушку, которая любила её годами? Разве это не было равносильно тому, чтобы растоптать их драгоценную дочь?

Госпожа Цзян, молча наблюдавшая за ними, легко считала их мысли, отчего её настроение испортилось ещё сильнее. Супруги Тань были неглупыми людьми, неплохо вели дела, но стоило зайти речи об их дочери, как здравый смысл и даже элементарная вежливость их покидали. Неужели её дочь, наследница клана Цзян, должна уступать этой плаксивой девчонке из семьи Тань?

— Разве мы, родители, можем указывать, кто должен нравиться нашим детям? — вступила в разговор госпожа Цзян. — Вместо того чтобы цепляться за эти чувства, лучше призовите дочь к порядку: нечего по ночам шляться по барам с мужчинами, которые к ней равнодушны.

Мать Тань вспыхнула:

— Госпожа Цзян, что вы хотите этим сказать?! Вы обвиняете нашу Сяньси в распущенности?

— Ну что вы, — поспешно открестилась госпожа Цзян, изображая участие. — Госпожа Тань, я лишь хотела предостеречь вас, жалея вашу наивную дочь. В этот раз ей повезло, что рядом были лишь студенты, но если бы случилась беда, одними упрёками в адрес невиновных людей её не поправить.

Тема, которую супруги Тань старательно обходили, была вновь поднята. Факт оставался фактом: Тань Сянси поехала ночью развлекаться с парнем, который был в неё влюблён. И хотя слово развлекаться было слишком грубым для её натуры, в глазах окружающих это выглядело именно так. Семья Тань явно не позволила бы ей сойтись с тем однокурсником, да и сама Сяньси его не любила, поэтому сейчас они любой ценой держались за версию о неразделённой любви к Цзян Сюэхэ. В наше время, когда однополые браки легализованы, страдания от безответной любви к женщине звучали куда благороднее и вызывали больше сочувствия, чем ночные загулы с сомнительными кавалерами.

Сначала госпожа Цзян этого не понимала из-за своих предрассудков, но, глядя на поведение супругов Тань, она наконец осознала: они используют Цзян Сюэхэ как пешку, рассчитывая на её мягкосердечие.

Поняв это, госпожа Цзян больше не церемонилась. Она усмехнулась, глядя на госпожу Тань, и не дала той вставить ни слова:

— Понятно, что дети неразумны, но родители должны следить за их воспитанием. Как говорится, в проступках детей виноваты отцы. Вы уже взрослые люди, неужели вас нужно учить, как воспитывать дочь? Если однажды случится непоправимое, не факт, что другие люди окажутся столь же сговорчивы, как мы!

Сказав это, она повернулась к дочери:

— Сюэхэ, что ты думаешь?

В отличие от своей матери, Цзян Сюэхэ оставалась спокойной, но её слова были далеки от мягкости.

— Если вы настаиваете, что авария произошла по моей вине, мы можем назначить встречу с адвокатами и обсудить размер компенсации за моральный ущерб.

Госпожа Цзян невольно хмыкнула. Если дело дойдёт до суда, ещё неизвестно, кому придётся платить.

Для Тань Сянси огласка была бы губительна: это означало бы на всю страну заявить, что она не только шлялась по ночам с парнем, но ещё и пыталась вымогать деньги у невинного человека. Родители Тань не могли этого не понимать. Их лица сменили несколько оттенков, и они пробормотали что-то невнятное о том, что Сюэхэ совсем не ценит старую дружбу.

Цзян Сюэхэ пропустила это мимо ушей. Бросив взгляд на лежащую на кровати девушку, она слегка кивнула:

— Если вопросов больше нет, я пойду.

Она сделала два шага и поставила на тумбочку корзину с фруктами, которую на ходу купила в магазине внизу. Дорогая, красивая, но совершенно бездушная.

Цзян Сюэхэ развернулась и открыла дверь. Госпожа Цзян напоследок бросила ещё пару язвительных фраз, окончательно сжигая мосты. Увидев, как супруги Тань лишились дара речи, она с чувством выполненного долга последовала за дочерью.

В коридоре любопытные зеваки при виде их поспешно отвернулись, делая вид, что изучают пятна на полу. Цзян Сюэхэ окинула взглядом коридор, но знакомого силуэта не увидела.

Госпожа Цзян продолжала ворчать себе под нос:

— Поделом им! Сами виноваты, что не умеют вести себя прилично. Теперь это стало посмешищем. Госпожа Гу утром рассказывала мне, что в их кругах только об этом и говорят: как старшая мисс Тань по ночам не сидит дома...

Ей всё ещё было мало. Наблюдать за чужими бедами приятно, пока они не касаются тебя самого. Хотя сейчас все считали Цзян Сюэхэ невинной, кто знает, как обернутся слухи. Быть втянутой в скандал с женщиной — госпоже Цзян это было крайне неприятно. Это бросало тень

на весь клан Цзян.

Цзян Сюэхэ спустилась по лестнице, госпожа Цзян последовала за ней. Выход вел в запущенный садик за корпусом, где почти никого не было. Цзян Сюэхэ остановилась и обернулась:

— Мама, не перегибай палку.

Гнев госпожи Цзян сменился досадой. Она нахмурилась и пробормотала:

— Что я такого сделала? Ладно, я поняла.

— Она и так жалка, — спокойно сказала Цзян Сюэхэ. — Если будешь слишком на неё давить, люди скажут, что мы не умеем прощать.

«Что в ней жалкого?» — подумала госпожа Цзян, но, встретившись со спокойным взглядом дочери, не нашла, что ответить. В таких делах Цзян Сюэхэ всегда знала, как лучше. В конце концов, это касалось репутации клана.

Госпожа Цзян неохотно кивнула, но тут же вспомнила слова в палате:

— Сюэхэ, здесь никого нет, скажи честно. Ты это сказала только для того, чтобы позлить тех двоих?

Цзян Сюэхэ покачала головой:

— Нет.

Сердце госпожи Цзян ушло в пятки. Она с надеждой спросила:

— Точно?

— Точно.

Госпожа Цзян не выдержала и повысила голос:

— Ты понимаешь, что творишь? Быть с женщиной? Что она тебе даст? Ни денег, ни власти, ни детей, ни опоры! К старости останешься ни с чем, на что ты будешь опираться? А если узнают, тебя же засмеют! Ты понимаешь, что меня будут поносить за то, что я воспитала извращенку? Как твоя младшая сестра потом выйдет замуж?!

Цзян Сюэхэ молчала, глядя на неё с абсолютным спокойствием. Ни гнева, ни обиды, ни разочарования. В этих тёмных, бездонных глазах госпожа Цзян внезапно увидела пустоту, и её собственные слова застряли в горле.

Что она наговорила? Госпожа Цзян похолодела, вспоминая свои выкрики. Она могла сказать такое любой другой девушке из семьи, но только не Цзян Сюэхэ. Не потому, что та была её родной дочерью, а потому, что у неё не было на это права. Её сын, брат Сюэхэ, Цзян Сюэян, занимал сейчас то место, которое уступила ему Сюэхэ.

Цзян Сюэхэ не была просто изнеженной барышней, умеющей лишь вышивать. Она до сих пор оставалась главной соперницей и угрозой для своего брата.

— Я... — госпожа Цзян отвела взгляд, но родительская гордость не позволяла ей отступить.

— Разве для вас это не к лучшему? — Цзян Сюэхэ чуть тронула губы улыбкой, лишённой агрессии. — Если дедушка узнает, он, возможно, сильно разочаруется во мне, и брат в его глазах станет ещё ценнее.

Госпожа Цзян замерла. Это звучало как издёвка, но она не могла не признать, что слова дочери имели смысл. Она замолчала.

— К тому же, в этом году исполняется три года с момента легализации однополых браков, — продолжила Цзян Сюэхэ. — Если вы, будучи госпожой Цзян, будете открыто идти против закона, это вряд ли пойдёт на пользу клану. Вы не находите?

Госпоже Цзян было нечего возразить.

— Если вопросов больше нет, я пойду, — Цзян Сюэхэ взглянула на лестницу, где кто-то поспешно спрятал голову, и усмехнулась. — В магазине ещё есть клиенты.

Она не пригласила мать к себе. Госпожа Цзян понимала, что та злится, и решила не испытывать судьбу. Если вывести её из себя, Цзян Сюэян окажется под ударом — Сюэхэ слишком хорошо знала, что для матери важнее всего.

Увидев, что дочь уходит, госпожа Цзян всё же окликнула её:

— Ты... кто та, кого ты любишь?

Цзян Сюэхэ остановилась, обернулась и с холодной улыбкой ответила:

— Когда буду выходить замуж, пришлю вам приглашение.

В палате Тань Сянси только открыла глаза. Она слушала, как мать осторожно рассказывает ей о случившемся: об аварии, о визите Цзян Сюэхэ утром и о том, как та снова отказала ей в «признании». Мать подбирала слова максимально мягко, но Сянси, пребывая в полубреду, слышала насмешки госпожи Цзян.

Она думала, что это сон, и с надеждой посмотрела на мать, но та не ответила на её мольбы. Каждое слово утешения лишь подтверждало жестокость Цзян Сюэхэ.

— Что в ней такого? Наша Сянси даже красивее. Она всего лишь неудачница, которая проиграла борьбу за власть и сидит на шее у семьи. Как она может о тебе позаботиться? Вот та из клана Янь куда лучше, она по крайней мере искренна...

Мать Тань сжимала руку дочери, перечисляя недостатки Цзян Сюэхэ в надежде вернуть дочь на путь истинный, не замечая, как та бледнеет.

— Главное, она тебя совсем не любит, да и я сама её не жалую... Сянси? Сянси! Что с тобой?!

Тань Сянси побледнела, закрыла глаза и снова потеряла сознание. Родители в панике вскочили. Отец схватил дочь, а мать бросилась звать врача.

Янь Гуйцю, стоявшая неподалёку в коридоре, осталась ими не замечена.

Когда Цзян Сюэхэ возвращалась обратно, в палате Тань творился хаос — крики матери были слышны издалека. На мгновение Сюэхэ показалось, что всё происходящее — какой-то абсурд из чужого мира.

Она остановилась, встретившись взглядом с Янь Гуйцю. Та невольно улыбнулась ей, и Цзян Сюэхэ почувствовала, как к ней возвращается жизнь. Она тоже улыбнулась и направилась к ней.

— Почему ты здесь одна? — спросила Сюэхэ.

— Ань Чэнь ждёт меня на парковке, — ответила Янь Гуйцю.

— М? — Сюэхэ ждала другого ответа.

— Я ждала тебя, — вздохнула Янь Гуйцю.

Сюэхэ, конечно, тоже искала её. Она заметила Янь Гуйцю ещё в палате и специально повела

мать другой дорогой, чтобы они не столкнулись.

— Я что, такая постыдная? — спросила Янь Гуйцю, хотя ей было не так уж важно. Она знала характер госпожи Цзян и предпочла бы не встречаться с ней вовсе. Но ей было жаль Сюэхэ.

— Нет, — улыбнулась Сюэхэ. — Моя мать в некоторых вещах мелочна и любит строить из себя самую умную. Если бы ты сейчас попалась ей на глаза, она решила бы, что ты провоцируешь её, и начала бы травить.

Сюэхэ без колебаний раскрывала недостатки матери перед посторонними. Янь Гуйцю кивнула. Она знала, что госпожа Цзян злопамятна — в сюжете, когда Тань Сянси вошла в семью Цзян, та не раз изводила её, лишив всякой репутации.

— Хотя я знаю, что ты можешь за себя постоять, лучше избежать лишних проблем, — Сюэхэ взглянула на палату.

— Сянси, кажется, очнулась, но от шока снова упала в обморок, врачи уже там, — пояснила Янь Гуйцю. — Но медсестра сказала, ничего страшного, просто слабая конституция.

Сюэхэ кивнула и вместе с Янь Гуйцю направилась к лифту.

— Моя мать обычно сидит дома, изображая богатую даму, и в мои дела не лезет, но если вдруг встретитесь, можешь не проявлять вежливость, — сказала Сюэхэ, нажимая кнопку вызова. — Я не хочу, чтобы ты терпела обиды из-за меня.

— А как же ты? — спросила Янь Гуйцю.

Сюэхэ посмотрела на неё.

— Тебе не обидно?

— Нормально, — ответила Сюэхэ, глядя на бегущие цифры лифта. — Я привыкла.

Ещё шесть лет назад, уезжая за границу, она уже всё поняла. Тогда она пыталась пойти наперекор, но когда звонила домой, мать лишь дежурно интересовалась делами, ни разу не попросив вернуться. Несколько раз госпожа Цзян случайно проговаривалась: мол, хорошо, что Сюэхэ сама уступила, так ей не пришлось никого обижать.

Сюэхэ тогда была подавлена, но со временем смирилась. Она не любила биться головой о стену, а время и холодность матери убили её чувства. Все считали её великодушной и спокойной, но она просто выбирала самый достойный способ решения проблем — это сэкономило силы и укрепляло репутацию. Ведь великодушным людям доверяют больше, чем

мелочным скандалистам.

И настороженность госпожи Цзян была не на пустом месте. За годы за границей Сюэхэ не сидела сложа руки. Её интуиция и деловая хватка были врождёнными, и одних лишь инвестиций хватило, чтобы создать надёжную опору. Она могла позволить себе и спокойную старость, и борьбу за большее.

В клане Цзян, кроме верного Цзян Сюйюя, лишь старейшина Цзян знал об этом и даже тайно поддерживал её, помогая скрывать истинные масштабы её успехов.

<http://bllate.org/book/19089/1874662>